Мораль жизни и свободнаго идеала.

(Окончаніе).

VIII.

Переходя къ критикѣ ученія Гюйо, начнемъ съ признанія того, что система его носитъ гипотетическій характеръ, такъ какъ она кладетъ въ основу свою положеніе, которое, хотя и выражаетъ истинный и дѣйствительный фактъ, подлежащій научной провѣркѣ, но не есть тѣмъ не менѣе *полное выраженіе дѣйствительности*. Въ этой реальной дѣйствительности еще заключается нѣчто такое, что въ данный фактъ не входитъ, но безъ чего теорія Гюйо не будетъ полна, не будетъ намъ показывать вещи такъ, какъ онѣ происходятъ на самомъ дѣлѣ. На это намъ могутъ возразить, что Гюйо вовсе и не имѣетъ въ виду построеніе такой теоріи нравственности, которая охватывала бы всю нашу жизнь сполна... Онъ хочетъ построить такую систему, которая положила бы въ свою основу только *безспорные* факты, подлежащіе научной провѣркѣ, и исключала бы всѣ факты, не могущіе быть научно провѣренными,—предоставивъ сферу нравственныхъ дѣйствій, которая имѣетъ отношеніе къ этимъ послѣднимъ, на личную самопроизвольную дѣятельность каждаго, согласно его свободной индивидуальной гипотезѣ.

Но мы вовсе и не обращаемся къ Гюйо съ требованіемъ, чтобы онъ клалъ въ основаніе своей системы факты, даже и не могущіе быть научно провѣренными. Мы только желаемъ, чтобы *всѣ* тѣ факты, въ которыхъ удостовѣряетъ насъ точная положительная наука, были поставлены въ основаніе нравственности, разсматриваемой съ научной точки зрѣнія; что если наука о нравственности и принуждена имѣть до нѣкоторой степени условный характеръ, то, чтобы этотъ условный характеръ былъ по возможности меньше,—чтобы предположеніе, положенное въ ея основаніе, шире охватывало дѣйствительность и болѣе соотвѣтствовало ей; чтобы тѣ факты, которые прежде могли составлять предметъ метафизической гипотезы, наука о нравственности понемногу пріобщала къ себѣ и расширяла тѣмъ самымъ свою область, отвоевывая ее у метафизики.

Если только мы допускаемъ, что въ настоящее время наука о нравственности не можетъ быть сопротяженна со всею сферою нравственныхъ дѣйствій, что она, слѣдовательно, по причинѣ своего относительнаго безсилія, должна оставить мѣсто для метафизики, то мы этимъ самымъ признаемъ въ ней возможность неопредѣленнаго прогресса и совершенствованія, такъ какъ до тѣхъ поръ наука о нравственности не будетъ совершенной, пока она не объяснитъ всѣ нравственные поступки, пока она не охватитъ всю сферу нравственныхъ дѣяній. Быть-можетъ, наука о нравственности никогда этого и не достигнетъ и не можетъ достигнуть (предрѣшать этого мы во всякомъ случаѣ не должны и не имѣемъ права), тѣмъ не менѣе ея совершенствованіе заключается въ постоянномъ и непрерывномъ расширеніи той области фактовъ, которую она охватываетъ.

Итакъ, обратимся снова къ нашему вопросу: всѣ-ли факты, которые констатируетъ современная наука, Гюйо включилъ въ постулатъ, положенный имъ въ основаніе своей системы нравственности? Намъ кажется, что нѣтъ... Какъ мы уже знаемъ, въ основаніе научной теоріи нравственности Гюйо кладетъ универсальный фактъ стремленія всѣхъ

живыхъ существъ къ сохраненію и увеличенію своей индивидуальной жизни. Интенсивность индивидуальной жизни и стремленіе къ ея сохраненію на прежней высотѣ или къ поднятію выше—такова цѣль нашихъ сознательныхъ дѣйствій и такова же причина, производящая всякое дѣйствіе безсознательное. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но тутъ возникаетъ вопросъ: исчерпываются-ли этимъ однимъ всѣ цѣли человѣческихъ дѣйствій? Не существуетъ-ли рядомъ какой-нибудь другой универсальной причины и универсальной цѣли дѣйствій, и не можетъ-ли эта другая универсальная причина и цѣль дѣйствій быть объединена въ одно цѣлое съ тою, которую указываетъ намъ Гюйо? Намъ кажется, что такая цѣль дѣйствительно существуетъ, и что она можетъ быть установлена научно, какъ фактъ. Въ чемъ же она заключается?

Прежде чѣмъ подойти къ опредѣленію означенной цѣли, постараемся выяснить себѣ, можно-ли, не погрѣшая противъ истины, становиться на исключительно *индивидуалистическую* точку зрѣнія; не окрасятся-ли при этомъ для насъ всѣ факты въ нѣсколько иной цвѣтъ, чѣмъ какой они имѣютъ въ реальной дѣйствительности? Даже болѣе того: желая стать на индивидуалистическую точку зрѣнія, не принуждаемся-ли мы самыми фактами становиться еще на другую, болѣе широкую точку зрѣнія? Какую бы индивидуальность мы ни взяли,—кромѣ того, что она представляетъ самостоятельное цѣлое, она всегда также является частью какого-нибудь другого, болѣе обширнаго цѣлаго. Это—фактъ, который распространяется не только на живую индивидуальность, но даже и на всю неорганизованную матерію. Атомъ является составною частью молекулы, молекула — составною частью органическаго или неорганическаго тѣла. Клѣточка является составною частью органа, органъ — составною частью индивидуума; наконецъ, самъ индивидуумъ — составною частью группы индивидуумовъ и т. д. Кромѣ этого факта, который констатируетъ намъ наука, она устанавливаетъ также и другой фактъ: каждая

часть, въ которой совершается какое-нибудь самостоятельное измѣненіе въ извѣстномъ направленіи, въ то же время претерпѣваетъ измѣненіе, совершающееся въ томъ цѣломъ, къ которому она принадлежитъ. Атомъ, кромѣ своего самостоятельнаго движенія, какъ цѣлое, принимаетъ также участіе въ томъ движеніи, которое совершаетъ молекула, представляющая систему этихъ атомовъ. А сама молекула, входящая, напримѣръ, въ составъ какого-нибудь катящагося шара, а слѣдовательно и атомъ, входящій въ составъ этой молекулы, — развѣ не принимаютъ они участія въ движеніи этого шара, какъ цѣлой системы молекулъ и атомовъ? То же самое справедливо, когда мы поднимаемся выше, къ живымъ организованнымъ существамъ. Какой-нибудь органъ нашего тѣла, кромѣ безсознательнаго стремленія къ своему функціонированію, принимаетъ участіе въ функціонированіи организма, какъ цѣлаго. А каждый отдѣльный индивидуумъ — не является-ли онъ самъ, въ свою очередь, членомъ цѣлой группы болѣе или менѣе ему подобныхъ индивидуумовъ и, какъ часть этой группы, не принимаетъ-ли онъ участія въ томъ движеніи, которое совершаетъ эта группа, какъ цѣлое? *) Все это несомнѣнно, и тысячи доказательствъ этого намъ доставляетъ наука. Біологія, психологія, соціологія представляютъ много примѣровъ послѣднему факту.

Отсюда ясно, что для того, чтобы стать на индивидуалистическую точку зрѣнія, какъ это хочетъ сдѣлать Гюйо для построенія научной морали, и чтобы эта индивидуалистическая

*) Утвержденіе, что индивидуумъ составляетъ часть общества, и что между нимъ и остальными членами общества или между нимъ и цѣлымъ обществомъ существуетъ взаимодѣйствіе, отнюдь не должно быть смѣшиваемо съ органическою теоріей общества, какъ она понимается у Спенсера, Лиліенфельда и т. д. Если общество и можетъ быть уподоблено до нѣкоторой степени организму, то оно во всякомъ случаѣ есть нѣчто большее, чѣмъ организмъ. По мнѣнію Фулье, „человѣческое общество на столько, на сколько оно представляетъ *организмъ*, стремится концентрироваться въ одно единичное „я“, — на столько же, на сколько оно является *договорнымъ*, оно предполагаетъ многія „я“ и поддерживаетъ въ лонѣ своемъ ихъ различіе“ (*A. Fouillée*: „La science sociale contemporaine“, p. 400).

точка зрѣнія охватила индивидуума сполна, мы должны не только брать его какъ цѣлое, но также и какъ часть другого, болѣе обширнаго цѣлаго. Чтобы выяснить цѣль его жизни, мы должны не только стараться опредѣлить ту цѣль, явную или скрытую, которую онъ преслѣдуетъ, какъ самостоятельное цѣлое, но также и ту цѣль, въ достиженіи которой онъ участвуетъ, какъ часть другого, болѣе обширнаго цѣлаго. Только соединивъ обѣ эти цѣли, мы получимъ дѣйствительную, истинную цѣль его жизни, цѣль его, какъ реальной индивидуальности, которая не отторгнута нами отъ всего ее окружающаго.

Восходя послѣдовательно все выше и выше, отъ менѣе широкаго цѣлаго къ болѣе широкому, мы дойдемъ, наконецъ, до самаго широкаго цѣлаго, которое охватывается нами въ понятіи міра. И каждое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, и даже каждый ничтожный атомъ, оказываясь принадлежащимъ къ цѣлому, постепенно все болѣе и болѣе возрастающему въ своемъ размѣрѣ, въ концѣ концовъ окажутся частью самаго обширнаго цѣлаго — міра... И можно сказать, что если міръ, какъ цѣлое, имѣетъ какое-нибудь движеніе въ извѣстномъ направленіи, то и каждая часть міра,—слѣдовательно, и человѣкъ—принимаетъ сознательное или безсознательное участіе въ этомъ движеніи. Но, могъ бы сказать намъ Гюйо, здѣсь начинается область метафизики, — личныя произвольныя догадки о томъ, куда и въ какомъ направленіи движется міровая жизнь: точная наука не даетъ намъ никакихъ по этому поводу указаній. Итакъ допустимъ, что мы не знаемъ, куда движется то, самое великое цѣлое, которое называется міромъ, и что мы не знаемъ, какое участіе принимаетъ въ этомъ движеніи отдѣльная личность (хотя,—хочетъ она, или не хочетъ,—въ силу солидарности всѣхъ міровыхъ явленій, она вынуждена принимать это участіе); но вѣдь у насъ имѣются болѣе или мѣнѣе научныя данныя о томъ движеніи, которое совершаетъ общество, какъ цѣлое, и о томъ участіи, какое принимаютъ при этомъ отдѣльныя личности, его составляющія. Игнорировать эту сторону вопроса нѣтъ никакой возможности.

Кромѣ того, необходимость *съ самаго же начала* принимать во вниманіе то отношеніе, въ которое данная индивидуальность поставлена къ цѣлому, и невозможность становиться на *исключительно* индивидуалистическую точку зрѣнія,—еще болѣе станетъ намъ ясной, когда мы обратимся къ самимъ условіямъ человѣческаго пониманія. „Мы не можемъ,—говоритъ Спенсеръ,—составить себѣ никакой идеи о части безъ помощи возникающей при этомъ идеи о нѣкоторомъ цѣломъ, къ которому эта часть принадлежитъ, и точно такъ же,—продолжаетъ онъ далѣе,—мы не можемъ имѣть *правильной идеи* о части, не имѣя правильной идеи о соотносительномъ ей цѣломъ" *). И это тѣмъ въ большей степени справедливо, когда между частью и цѣлымъ, какъ мы это имѣемъ въ данномъ случаѣ, существуетъ вѣчное, постоянное, никогда не прекращающееся взаимодѣйствіе, конецъ котораго означалъ бы конецъ жизни и развитія. Если мы имѣемъ систему взаимно-связанныхъ между собою тѣлъ, то всякое измѣненіе, которое совершается въ одномъ изъ нихъ, отражается на всѣхъ остальныхъ или на цѣлой системѣ. Но такую систему взаимно-зависимыхъ явленій представляетъ міровая жизнь съ точки зрѣнія современной науки. Существованіе и жизнь самаго послѣдняго атома есть результатъ жизни всей вселенной, и самое ничтожное жизненное проявленіе отражается въ самомъ отдаленномъ краѣ міра и производитъ хотя бы самую незначительную перемѣну, но все же перемѣну, въ ходѣ *всего* мірового развитія.

Конечно, всякое измѣненіе, совершающееся съ частью, сильнѣе отражается на близлежащихъ частяхъ, чѣмъ на болѣе отдаленныхъ,—все равно какъ камень, брошенный на воду, поднимаетъ около себя ясныя, ощутительныя волны, которыя, по мѣрѣ увеличенія разстоянія, до такой степени становятся малыми, что не могутъ быть замѣтны простому глазу. Такъ и жизнь человѣческой личности, производя

*) *Г. Спенсеръ*: „Основанія науки о нравственноети", стр. 7.

ясныя, осязательныя вліянія на жизнь непосредственно окружающихъ ее людей, на свою семью, напримѣръ, производитъ уже менѣе замѣтное вліяніе на тотъ народъ, въ составъ котораго она входитъ; еще менѣе уловимо это вліяніе, если мы возьмемъ все человѣчество, и, быть-можетъ, оно совсѣмъ неуловимо, если мы возьмемъ цѣлый міръ. То же самое справедливо и для обратнаго дѣйствія цѣлаго на части. Семья, общество, человѣчество, міръ — это тѣ корни, изъ которыхъ вырастаетъ и которыми питается гордый, могучій стебель индивидуальной жизни, но индивидуальная жизнь, питаясь на счетъ общей жизни, сама, въ свою очередь, ее поддерживаетъ и питаетъ. Попробуйте отдѣлить стебель отъ корней — и стебель засохнетъ и не дастъ ни листьевъ, ни плодовъ, ни цвѣтовъ... Если практически невозможно въ реальной жизни отдѣлить индивидуума отъ остальнаго міра, не посягая на самую индивидуальную жизнь въ ея основаніи, то и теоретически немыслимо понять индивидуальную жизнь, сдѣлавъ абстракцію отъ универсальной жизни, на почвѣ которой она вырастаетъ. Какъ при такомъ тѣсномъ сплетеніи личности съ цѣлымъ міромъ раздѣлить ихъ *вполнѣ* другъ отъ друга и указать, гдѣ кончается личность и гдѣ начинается остальной міръ? Такая задача не только невозможна, но и безплодна,— кто становится на точку зрѣнія жизни, тотъ самою этою жизнью обязывается разсматривать міръ и индивидуума (или, по крайней мѣрѣ, при современномъ уровнѣ знаній—человѣчество и индивидуума), какъ одно цѣлое. Вѣдь самъ же Гюйо говоритъ, что обособленная личность (personnalité séparée) для современной психологіи является не чѣмъ инымъ, какъ иллюзіей...

Но какъ же въ такомъ случаѣ быть?! Ни цѣлое, ни части мы не можемъ постигнуть независимо другъ отъ друга. Правильная идея о цѣломъ предполагаетъ правильную идею о частяхъ, а правильная идея о части—правильную идею о цѣломъ, къ которому она принадлежитъ. Значитъ-ли изъ этого, что мы не можемъ постигнуть ни того, ни другого?

Значитъ-ли это только, что мы можемъ постигнуть ихъ лишь одновременно,—не путемъ аналитическаго изслѣдованія, разсматривая каждое изъ нихъ порознь, а путемъ *синтеза,* который сплавляетъ ихъ въ нѣчто единое. Аналитическое и обособленное изслѣдованіе можетъ имѣть только подготовительное значеніе; но не оно даетъ намъ правильное понятіе о предметѣ, а синтезъ, который соединяетъ въ одно цѣлое отдѣльныя аналитическія изслѣдованія. Можно, конечно, ради удобства изученія стать съ самаго начала на индивидуалистическую точку зрѣнія, какъ это дѣлаетъ Гюйо, хотя и при этомъ будетъ предполагаться нѣкоторая наперед составленная идея о цѣломъ. Но затѣмъ нужно точно такимъ же образомъ стать на точку зрѣнія цѣлаго, и только произведя синтезъ этихъ обоихъ гипотетическихъ изслѣдованій, мы получимъ истинную, возможную для насъ, при современномъ уровнѣ знаній, идею о функціяхъ части и цѣлаго. Обособленное изслѣдованіе, безъ объединяющаго затѣмъ синтеза, никогда не приведетъ насъ къ дѣйствительному познанію ни самихъ себя, ни общества, ни міра, или, выражаясь короче, ни индивидуальной, ни универсальной жизни.

„Отбросивъ всякій законъ, предшествующій фактамъ и стоящій выше ихъ,—говоритъ Гюйо,—слѣдовательно, законъ *a priori* и категорическій, мы должны исходить изъ самихъ фактовъ, чтобы извлечь законъ,—изъ реальности, чтобы получить идеалъ, изъ природы, чтобы построить нравственность. Существенный же фактъ нашей природы — это то, что мы—живыя, чувствующія и мыслящія существа: это—жизнь въ своей формѣ, одновременно физической и нравственной, у которой мы должны допросить о принципѣ поведенія“ *). Но существенный фактъ нашей природы не исчерпывается только тѣмъ, что мы—живыя, чувствующія и мыслящія существа, не исчерпывается только тѣмъ сознаніемъ, что мы живемъ и существуемъ. Столь же существенный фактъ на-

*) *M. Guyau*: „Esquisse d'une morale“, p. 244.

шей природы составляетъ и никогда не покидающее насъ сознаніе; что существуетъ внѣшній міръ, и что этотъ внѣшній міръ тоже измѣняется и представляетъ намъ картину жизни, болѣе или менѣе аналогичную нашей. Этотъ существенный фактъ нашей природы мы должны тоже принять во вниманіе при рѣшеніи вопроса о принципѣ нашего поведенія. Вводить его вовсе не значитъ вводить въ область науки чуждыя ей метафизическія соображенія. Если наши догадки о ходѣ мірового развитія въ цѣломъ болѣе или менѣе проблематичны и потому носятъ метафизическій характеръ, то вѣдь никто же не скажетъ, что коллективная психологія и соціологія являются не чѣмъ инымъ, какъ метафизикой. Наука о нравственности должна соединить въ себѣ *все* наше знаніе индивидуальной жизни и *все* наше знаніе общей жизни для того, чтобы получить изъ *всѣхъ*, добытыхъ уже наукою, фактовъ—законъ, чтобы извлечь изъ *всей* доступной намъ реальности идеалъ и изъ *всей* извѣстной намъ природы — нравственность. Если наука о нравственности и должна „сама себя ограничить“, чтобы придать себѣ „большій характеръ достовѣрности“, то это ограниченіе не должно во всякомъ случаѣ простираться черезчуръ далеко, дальше того, чѣмъ это допускается современнымъ уровнемъ нашего знанія. А по мѣрѣ того, какъ знаніе индивидуальной и общей жизни будетъ расширяться,— будутъ раздвигаться и границы науки о нравственности, которыя имѣютъ такимъ образомъ условный характеръ, опредѣляемый состояніемъ знанія въ данное время.

Какъ мы уже сказали, можно считать безспорно установленнымъ современною наукой тотъ фактъ, что индивидуумъ стремится также къ нѣкоторой цѣли, которая является цѣлью или результатомъ движенія цѣлаго. Можемъ-ли мы однако опредѣлить эту цѣль? Намъ кажется, что можемъ, и для ея опредѣленія нѣтъ надобности даже удаляться куда-нибудь далеко отъ положеній самого Гюйо. Вмѣстѣ съ нимъ мы принимаемъ, что каждое живое существо стремится упорствовать въ своемъ существованіи; но

этотъ законъ, какъ полагаетъ это и самъ Гюйо, есть законъ всего существующаго, даже самаго послѣдняго атома эѳира. Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что и каждая система, состоящая изъ извѣстныхъ взаимно-связанныхъ между собою частей, точно такъ же стремится упорствовать въ своемъ существованіи. И такъ какъ каждая часть этой системы участвуетъ въ движеніи цѣлаго, то мы можемъ сказать, что и каждая часть, кромѣ тенденціи упорствовать въ своемъ собственномъ существованіи, имѣетъ также тенденцію упорствовать въ существованіи того цѣлаго, въ составъ котораго она входитъ. Каждый органъ, кромѣ тенденціи къ своему функціонированію, благодаря которому только онъ и можетъ сохраняться и развиваться, имѣетъ также тенденцію къ правильному функціонированію организма, какъ цѣлаго. Точно такъ же и человѣкъ, кромѣ стремленія къ сохраненію и увеличенію своей собственной жизни, имѣетъ также стремленіе къ сохраненію и увеличенію жизни общественной, которое въ послѣднемъ счетѣ сводится къ увеличенію общей суммы жизни составляющихъ общество единицъ.

Жизнь и для насъ, какъ и для Гюйо, является тою универсальною причиною, которая порождаетъ дѣятельность, и тою универсальною цѣлью всѣхъ живыхъ существъ, къ которой они непроизвольно или сознательно стремятся; но только эта жизнь не есть одна жизнь индивидуальная,—это также жизнь общая, имѣющая мѣсто внѣ первой, въ большей или меньшей совокупности индивидуальностей. Если Спенсеръ утверждаетъ, что „удовольствіе гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было, для какого бы то ни было существа или существъ“ составляетъ неизгладимый основной элементъ нравственной интуиціи, подобно тому, какъ пространство составляетъ необходимую форму умственной интуиціи *),—то мы въ этомъ же смыслѣ могли бы сказать, что *жизнь гдѣ бы то ни было, когда бы то ни было, для какого бы то ни было существа или существъ, есть въ дѣйствительности неизгладимое основаніе нравственной интуиціи.*

*) *Г. Спенсеръ*: „Основанія науки о нравственности“, стр. 59.

Въ случаѣ принятія этого положенія, наука о нравственности, основанная на положительныхъ фактахъ, можетъ опредѣляться также, какъ это мы видимъ у Гюйо, какъ „наука, которая имѣетъ своимъ предметомъ всѣ средства къ сохраненію и увеличенію матеріальной и интеллектуальной жизни", но при этомъ должно подразумѣвать не одну только жизнь индивидуальную, но и общую. Наука о нравственности обнимаетъ собою также всѣ дѣйствія существъ, ведущія къ этой цѣли и, слѣдовательно, клонящіяся къ созданію болѣе совершенной формы общественныхъ отношеній,—потому что самой совершенной формой общества будетъ та, которая будетъ обезпечивать наибольшую сумму *общечеловѣческой* жизни.

IX.

Утвержденіе, что индивидуумъ имѣетъ тенденцію къ преслѣдованію двухъ цѣлей—сохраненія и увеличенія какъ индивидуальной, такъ и общей жизни, нисколько не заключаетъ въ себѣ утвержденія, что между жизнью части и цѣлаго существуетъ полная гармонія, хотя оно дѣйствительно заключаетъ въ себѣ скрытое утвержденіе, что между той и другой не существуетъ *полнаго* антагонизма. Полный антагонизмъ, полное исключеніе одной жизни другою сдѣлали бы только абсолютно-невозможными и ту и другую и повели бы, вѣроятно, къ прекращенію всякой жизни. Для того, чтобы жизнь могла существовать, между жизнью части и жизнью цѣлаго должна существовать хотя *нѣкоторая* гармонія. А для того, чтобы жизнь могла правильно развиваться и возрастать въ своей интенсивности, эта гармонія должна становиться все шире и полнѣе. Очевидно, что если возрастаніе индивидуальной жизни, вмѣсто того, чтобы исключать возрастаніе жизни общей, ведетъ, напротивъ того, къ этому возрастанію, и если возрастаніе общей жизни имѣетъ въ свою очередь результатомъ возрастаніе жизни индивидуальной,—очевидно, что тогда жизнь можетъ достигнуть въ томъ и въ другомъ случаѣ наивысшей своей интенсивности. Слѣдовательно, по скольку мы до-

пускаемъ развитіе жизни, мы можемъ сказать, что это развитіе до тѣхъ поръ не прекратится, пока имъ не будетъ достигнута *полная* гармонія между индивидуальной и общей жизнью. Достиженіе такой гармоніи обезпечивается дѣйствіемъ законовъ ассоціаціи, наслѣдственности и естественнаго подбора, въ силу которыхъ выживаютъ и получаютъ преобладаніе тѣ индивидуумы и тѣ общественныя группы, у которыхъ эта гармонія существуетъ въ наибольшей степени. Такимъ образомъ мало-по-малу, совершенно даже независимо отъ воли индивидуумовъ, въ силу уже однихъ механическихъ и біологическихъ законовъ, постепенно осуществляется гармонія жизни индивидуальной съ жизнью общей. Что касается человѣка и человѣческаго общества, то они стремятся выработать такую форму общественной жизни, которая въ наибольшей степени обезпечивала бы развитіе жизни индивидуальной,—и наоборотъ. Утилитарная, а еще болѣе эволюціонная школа моралистовъ разсчитываютъ для устраненія антагонизма между личностью и обществомъ исключительно на механическое дѣйствіе тѣхъ законовъ, о которыхъ мы выше говорили. Подробный разборъ вопроса, можетъ-ли одно механическое дѣйствіе этихъ законовъ создать полную гармонію между индивидуальной и общественной жизнью, мы находимъ въ прекрасной книгѣ Гюйо „La morale anglaise contemporaine“; но этихъ изслѣдованій мы здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ это отклонило бы насъ отъ ближайшей задачи. Для насъ важно, что въ настоящее время вышеупомянутая гармонія уже до *нѣкоторой* степени достигнута. Между жизнью отдѣльной личности и жизнью остального человѣчества установилась уже въ силу законовъ развитія самой жизни такая связь, что каждая какъ-бы предполагаетъ и обусловливаетъ другую, и хотя еще существуетъ между ними нѣкоторый антагонизмъ, но этотъ антагонизмъ все болѣе уменьшается.

Спрашивается теперь, что произойдетъ, когда сознаніе станетъ однимъ изъ факторовъ развитія жизни, когда дѣйствующіе въ насъ, помимо нашей воли, инстинкты сохране-

нія индивидуальной и общей жизни будутъ распознаны и оцѣнены нашимъ разумомъ? Въ какое положеніе тогда станетъ наше сознаніе въ случаяхъ антагонизма между личной и общей жизнью? Будетъ-ли оно стараться подорвать и уничтожить въ насъ инстинктъ сохраненія универсальной жизни и не окажетъ-ли оно свою поддержку только инстинкту сохраненія жизни индивидуальной? Вѣдь, и самъ Гюйо поставилъ себѣ задачею „найти принципъ дѣйствія, который былъ бы общъ обѣимъ сферамъ (сознательной и безсознательной) и который, слѣдовательно, достигая сознанія, стремился бы скорѣе къ своему усиленію, чѣмъ къ уничтоженію". И однако же Гюйо говоритъ, что „сознаніе можетъ уничтожить постепенно посредствомъ яснаго анализа то, что темный синтезъ наслѣдственности накопилъ у индивидуумовъ и народовъ. Сознаніе имѣетъ разлагающую силу, которую утилитарная и даже эволюціонная школа не достаточно приняли во вниманіе. Отсюда и необходимость установить гармонію между размышленіемъ (réflexion) сознанія и самопроизвольностью безсознательнаго инстинкта". Принципъ, который устанавливаетъ эту гармонію, заключается, по мнѣнію Гюйо, въ индивидуальной жизни наиболѣе интенсивной и наиболѣе экстенсивной въ отношеніи физическомъ и духовномъ. „Жизнь, достигшая сознанія себя, своей интенсивности и своего расширенія, не стремится уничтожиться: она только увеличиваетъ свою собственную силу" *).

Съ такою постановкой вопроса, однако врядъ-ли возможно согласиться... Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что произойдетъ, когда жизнь индивидуальная и общая достигнутъ въ насъ своего сознанія: — станетъ-ли наше сознаніе въ антагонизмъ съ жизнью общей?. Прежде всего, чтобы правильно поставить вопросъ, замѣтимъ, что мы будемъ имѣть въ виду не чувствующее наше сознаніе, а мыслящее, о которомъ; какъ видно, говоритъ здѣсь и самъ Гюйо, упоминая о его разлагающей силѣ. На это же онъ указываетъ и въ

*) M. Guyau: „Esquisse d'une morale", p. 244, 245.

другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что размышляющій интеллектъ или, какъ Гюйо его также называетъ, научный духъ „есть... сила по преимуществу разрушающая все то, что природа связываетъ... онъ борется безпрестанно противъ авторитета въ лонѣ обществъ, онъ будетъ также бороться противъ авторитета въ лонѣ сознанія“ *). Но дѣйствительно-ли мыслящее сознаніе есть только разлагающая сила, какъ говоритъ о ней Гюйо? Мысль не исчерпывается критикой и анализомъ и, конечно, не только разъединяетъ то, что природа связываетъ и соединяетъ. Мысль также есть творчество и синтезъ, и если она разлагаетъ, если она разрушаетъ, то только для того, чтобы снова связать и соединить. На мѣсто безсознательнаго синтеза природы она ставитъ сознательный творческій синтезъ разума. Анализъ и критика—это подготовительная работа мысли, такъ же какъ и борьба ея противъ авторитетовъ, въ какой бы области послѣдніе ни встрѣчались. За этой подготовительной работой мысли необходимо должна слѣдовать ея настоящая работа, въ которой она исполняетъ свое истинное назначеніе, въ которой она утверждаетъ свою собственную силу, въ которой она, опрокинувъ всѣ авторитеты, устанавливаетъ свой собственный авторитетъ путемъ свободнаго творчества лучшей природы, лучшаго общества и лучшей индивидуальности. Эту сторону развитія мысли также надо имѣть въ виду при правильной постановкѣ вопросовъ нравственности.

Итакъ, можетъ-ли развитіе мыслящей способности нашей стать въ антагонизмъ съ нашими альтруистическими инстинктами, съ лежащею въ глубинѣ души нашей любовью къ ближнимъ,—однимъ словомъ, съ дѣйствующимъ въ насъ, даже помимо нашей воли, стремленіемъ къ сохраненію и увеличенію обще-человѣческой, а быть-можетъ даже и общемировой жизни? Дѣйствительно, англійскую школу можно упрекнуть въ томъ, что она слишкомъ исключительно разсматривала человѣка, какъ существо чувствующее; она

*) l. c., p. 52, 53.

слишкомъ мало обращала вниманія не на разрушающую силу мысли, но на силу мысли вообще. Опредѣлимъ, каковъ тотъ мотивъ, который можетъ удовлетворить умъ. „Существенный признакъ ума,—говоритъ Фулье,—есть его стремленіе къ *объективности*, слѣдовательно— къ *безличности* и *всеобщности*; одно только всеобщее можетъ удовлетворить его въ его работѣ. Когда я употребляю въ дѣло мой умъ, я не вижу болѣе *объективной* разумной причины, почему бы мое счастіе было предпочтительнѣе счастія всѣхъ другихъ существъ; я вижу для этого только *субъективныя* причины, причины чистой чувствительности, абстракція которыхъ составляетъ задачу именно ума. Коль скоро передъ моимъ разумомъ стоитъ существо, лишенное счастія,—разумъ не удовлетворенъ въ своемъ стремленіи ко всеобщности: чтобы я былъ на самомъ дѣлѣ счастливъ, какъ существо разумное,—необходимо, чтобы всѣ прочія существа также были счастливы. Сама мысль такимъ образомъ въ своемъ объектѣ не эгоистична... можно даже сказать, что мысль, по своему безличному и объективному характеру, существенно *альтруистична*“ *). Если это такъ, то спрашивается, можетъ-ли наша мысль стать въ антагонизмъ съ нашими нравственными инстинктами, съ тѣми альтруистическими чувствами, которыя завѣщали намъ наши предки въ строеніи нашей природы, съ ея стремленіемъ къ увеличенію общаго счастія или къ повышенію общей жизни? Очевидно, мысль не можетъ разрушать нашихъ альтруистическихъ инстинктовъ, а напротивъ того, будетъ ихъ всячески усиливать, ибо эти альтруистическіе инстинкты являются наилучшимъ средствомъ удовлетворить ее въ ея стремленіи ко всеобщности. Съ этой точки зрѣнія, Спенсера можно упрекнуть не въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе разлагающее вліяніе, которое мысль можетъ оказать на наши альтруистическіе инстинкты, а въ томъ, что онъ не принялъ во вниманіе той дѣятельной помощи, которую можетъ оказать и окажетъ

*) *A. Fouillée*: „Critique des systèmes de morale contemporains“, p. 18, 19 (русское изданіе, стр. 32).

мысль развивающейся нравственности, такъ какъ она работаетъ съ этой послѣдней въ одномъ направленіи. Сознаніе можетъ стать въ антагонизмъ съ присущимъ намъ инстинктомъ увеличенія универсальной жизни, но только сознаніе чувствующее, субъективное, для котораго существуетъ, на извѣстной ступени его развитія, только его „я“, и которое, съ развитіемъ общества, все болѣе стремится дать мѣсто сознанію разумному, обнимающему въ себѣ всѣ существованія, все человѣчество, даже весь міръ. Такимъ образомъ мы имѣемъ полное право ставить сохраненіе и увеличеніе не только индивидуальной, но и всеобщей жизни принципомъ, который дѣйствуетъ одновременно въ сферѣ сознательной и въ сферѣ безсознательной и который, переходя изъ темной области инстинктовъ въ свѣтлую сферу разума, не только не стремится уничтожиться, а, напротивъ того, дѣйствуетъ съ еще бо́льшею силою...

X.

Мы уже видѣли, какимъ образомъ Гюйо изъ установленнаго имъ принципа „нравственнаго плодородія“ выводитъ различные естественные эквиваленты для идеи нравственной обязанности, очищенной отъ всего мистическаго и сверхъестественнаго. Укажемъ на тѣ дополненія, въ которыхъ нуждается, по нашему мнѣнію, эта часть ученія Гюйо.

Какъ извѣстно, первый эквивалентъ нравственной обязанности Гюйо находитъ въ сознаніи внутренней силы или способности дѣйствовать. „Чувствовать внутренно то, что способенъ сдѣлать, это значитъ, въ силу этого самаго, получать первое сознаніе о томъ, что обязанъ сдѣлать“. Мы вполнѣ принимаемъ этотъ первый эквивалентъ нравственной обязанности, только считаемъ очень важнымъ опредѣлить, къ чему сводится та внутренняя сила или способность что-либо сдѣлать, о которой говоритъ здѣсь Гюйо. Представляетъ-ли она намъ такую силу, о которой можно было бы сказать, что это есть сила исключительно даннаго индивидуума, что она, такъ сказать, принадлежитъ ему всецѣло?

Нѣтъ, этого сказать никакъ нельзя. Индивидуумъ не только сознаетъ въ себѣ силу, которой онъ обязанъ себѣ самому, которую онъ самъ накопилъ въ теченіе своей индивидуальной жизни,— онъ чувствуетъ въ себѣ также силу, которою онъ обязанъ предшествующимъ поколѣніямъ и которая накоплена въ переданной ему отъ предковъ организаціи нервнаго вещества и его тѣла. Та сила, которую въ себѣ сознаетъ индивидуумъ, есть такимъ образомъ отчасти его индивидуальная сила, собранная имъ самимъ, отчасти же общая сила, завѣщанная ему его родителями и предками. Если бы этого не было, то, вѣроятно, не могло бы и быть того громаднаго изобилія жизни, требующей своего израсходованія, своей раздачи другимъ, создающей нравственную безкорыстную дѣятельность, какъ это мы наблюдаемъ у человѣка. Только благодаря передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому, могла накопиться та громадная внутренняя сила, которая служитъ источникомъ нравственныхъ дѣйствій у человѣка... Мы можемъ даже предположить, что это обиліе жизни, которое мы наблюдаемъ у человѣка и которое создаетъ его нравственную дѣятельность, начало накопляться съ появленія первой организованной матеріи на землѣ. Сущность организаціи въ томъ именно и заключалась, что она какъ-бы концентрировала въ живомъ индивидуумѣ все большее и большее количество жизни, и человѣкъ — эта высшая, достигнутая процессомъ организаціи, ступень — представляетъ намъ и самое большое сгущеніе жизни на землѣ. Это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе въ нравственности, потому что оно умѣряетъ гордость человѣка и не позволяетъ ему приписывать исключительно себѣ то, въ чемъ принимали участіе милліоны существъ и милліоны жизней; а съ другой стороны, оно заставляетъ человѣка все менѣе и менѣе отдѣлять себя отъ окружающаго міра, и напротивъ все тѣснѣе соединять себя съ нимъ въ одно цѣлое.

Другимъ эквивалентомъ нравственной обязанности является, по мнѣнію Гюйо, та сила, которою обладаетъ идея,

стремящаяся къ своей собственной реализаціи. Идея есть уже, такъ сказать, начавшееся дѣйствіе. Въ сферѣ интеллекта обязанность является не чѣмъ инымъ, какъ чувствомъ коренного тожества, которое существуетъ между идеею и дѣйствіемъ. Нравственность предсгавляется единствомъ существа; безнравственность же, напротивъ того, раздвоеніемъ и противоположеніемъ различныхъ способностей, которыя ограничиваютъ другъ друга. Таковы, если помнитъ читатель, выводы, полученные Гюйо. Мы добавимъ къ нимъ только то, что нравственность, по нашему мнѣнію, не есть только единство или внутренняя гармонія, существующая между различными силами и способностями внутри существа,—это есть также гармонія между даннымъ существомъ и всѣмъ міромъ.

„Я“ не есть, по своему существу, нѣчто противоположное „міру“, ему враждебное, находящееся съ нимъ въ антагонизмѣ. Напротивъ того, какъ „міръ“ есть одно изъ условій моего существованія и развитія, такъ и моя самобытная индивидуальность есть одно изъ условій существованія и развитія самаго „міра“. Между „я“ и „міромъ“ такимъ образомъ, по существу, должна быть полная гармонія. *Эта идея цѣльности и неразрывнаго единства міра и живой индивидуальности составляетъ основаніе истинной теоріи нравственности.* Только въ той мѣрѣ, въ какой я въ своей жизни признаю эту идею и воплощаю ее сознательно или безсознательно въ своихъ поступкахъ, я и являюсь истинно нравственнымъ существомъ. Тотъ же, кто сознательно противополагаетъ „міръ“ себѣ и смотритъ на него, какъ на нѣчто себѣ чуждое и враждебное, проявляя это и въ своихъ поступкахъ, — является существомъ безнравственнымъ. Разница въ степени достигнутой нравственности заключается въ степени той гармоніи, которая установилась между нашимъ „я“ и „міромъ“. Чѣмъ больше эта гармонія, тѣмъ больше я приближаюсь и къ типу нравственныхъ существъ. Если же теперь, при современномъ состояніи индивидуальнаго и общаго мірового развитія, и не можетъ быть установлена *полная* гармонія меж-

ду мной и всѣмъ міромъ, то эта гармонія можетъ быть во всякомъ случаѣ достигнута, *хотя приблизительно*, между мной и той частью міра, которая называется человѣчествомъ. Слѣдовательно, становясь на практическую точку зрѣнія, т.-е., имѣя въ виду ближайшую достижимую цѣль, мы должны сказать, что задача истинно-нравственнаго существа въ настоящее время заключается въ установленіи возможно болѣе полной гармоніи между нимъ и человѣчествомъ. Если моя мысль, мое чувство, моя дѣятельность, вообще вся моя жизнь находятся въ постоянной гармоніи съ развивающейся жизнью человѣчества, то я достигаю тѣмъ самымъ высшей, возможной для даннаго времени, ступени нравственности. Но гармонія между мной и человѣчествомъ возможна только въ томъ случаѣ, если я своимъ существованіемъ и своею жизнью буду способствовать подъему жизни во всемъ человѣчествѣ, — если, однимъ словомъ, моя индивидуальность станетъ однимъ изъ условій развитія всего человѣческаго рода. Если въ настоящее время индивидуальная личность и не можетъ сказать: „я“ и „міръ“—одно цѣлое, то она можетъ и должна сказать и доказать своею жизнью, что она и человѣчество составляютъ одно нераздѣльное гармоническое цѣлое, доказать это въ той мѣрѣ, въ какой это для нея возможно...

Дополняя и развивая мысль Гюйо, мы прибавимъ далѣе, что хотя идея и есть сила, и требуетъ своего завершенія посредствомъ дѣйствія, и создаетъ такимъ образомъ нѣкоторую обязанность, — но *нравственную* обязанность эта идея создаетъ только тогда, когда ея предметомъ служитъ именно гармонія между личностью и человѣчествомъ; однимъ словомъ, если это есть идея развивающейся и возрастающей въ своей цѣнности всеобщей жизни. Кромѣ того, мы должны указать еще и на то обстоятельство, что внутреннее единство возможно для личности только въ томъ случаѣ, когда она установила гармонію между собою и внѣшнимъ міромъ, между собою и человѣчествомъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой личность становится во враждебныя или безразличныя отношенія къ

міру и человѣчеству, въ той мѣрѣ не можетъ быть и единства во внутренней жизни личности.

Что касается третьяго эквивалента нравственной обязанности, то онъ сводится къ эмоціональной связи, порожденной полной или частной гармоніей чувствъ и мыслей. Эта связь, устанавливающаяся между людьми, дѣлаетъ невозможнымъ въ настоящее время чисто эгоистическое удовольствіе и будетъ продолжать дѣлать его еще болѣе невозможнымъ на будущее время. Она, въ свою очередь, создаетъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей тоже какъ-бы родъ особенной обязанности... Однимъ словомъ, это не что иное, какъ все шире и шире развивающаяся между людьми симпатія, порожденная одновременнымъ испытываніемъ однихъ и тѣхъ же удовольствій. И такъ какъ удовольствія стремятся принять именно такой характеръ, который дѣлаетъ ихъ сразу доступными для большого числа людей, то въ силу этого и симпатическія чувствованія также стремятся занять все большее и большее мѣсто въ сердцѣ человѣка.

Но этого недостаточно; тутъ имѣется еще другая важная сторона, которая заслуживаетъ того, чтобы на нее обратили вниманіе. Истинная симпатія и самая тѣсная эмоціональная связь, которая дастъ мѣсто и для самой высокой нравственной обязанности,—эта связь возникнетъ не столько на почвѣ одновременнаго пассивнаго испытыванія однихъ и тѣхъ же удовольствій, какъ бы высоки они ни были, сколько на почвѣ общности хотѣній и идеаловъ, точно такъ же какъ и дѣятельностей, направленныхъ къ ихъ осуществленію. Общность хотѣній и общая активность еще тѣснѣе соединяютъ людей чѣмъ общее пассивное состояніе. Сознательная кооперативная дѣятельность для достиженія однихъ и тѣхъ же, одинаково дорогихъ каждому, идеальныхъ цѣлей еще въ большей мѣрѣ свяжетъ взаимное поведеніе людей и дастъ мѣсто еще въ большей степени для нравственной обязанности. Только гармонія одной воли съ другою и кооперація дѣлаютъ людей въ полномъ смыслѣ слова братьями и заставляютъ человѣка все болѣе и болѣе разсматривать себя съ другими людьми,

какъ одно цѣлое. Мы подвигаемся къ той эпохѣ, когда общество все въ большей и въ большей степени становится сознательной свободной кооперацiей людей, и человѣчество начинаетъ, путемъ сознательной творческой дѣятельности, регулировать свой собственный историческiй процессъ.

Таковы эквиваленты нравственной обязанности, которые дѣйствуютъ при нормальныхъ обстоятельствахъ. Въ концѣ концовъ всѣ они сводятся не къ чему иному, какъ къ накопленной въ насъ силѣ, къ существующей въ насъ активности, которая ищетъ и требуетъ своего обнаруженiя и проявленiя. Каждая способность, каждая сила, которая въ насъ существуетъ, требуетъ своего упражненiя, будетъ ли это сила мысли, сила чувства или сила воли, и каждая изъ нихъ такимъ образомъ создаетъ въ насъ какъ-бы нѣкоторую обязанность. Если мы всѣ эти силы и способности соединимъ въ одномъ понятiи „силы жизни“, носителями которой мы являемся, и по отношенiю къ которой мысль, чувство и воля являются частными проявленiями, то обязанность намъ представится не чѣмъ инымъ, какъ „силой жизни“, непреодолимо требующей своего обнаруженiя *). Съ умноженiемъ этой „силы жизни“, умножается и сфера активности у человѣка, — возрастаетъ и то, что мы называемъ нравственностью... Наша мысль, которая, когда она слаба, можетъ имѣть своимъ предметомъ только непосредственно находящееся около нея, становится способной обнимать явленiя жизни все въ большихъ предѣлахъ пространства и времени: мы все болѣе и болѣе научаемся думать о мiрѣ и человѣчествѣ и не только о человѣчествѣ даннаго момента, но и о поколѣнiяхъ грядущихъ. Точно такъ же, съ развитiемъ силы жизни, чувство все въ большей мѣрѣ распространяется отъ самаго близ-

*) Конечно, употребляя здѣсь терминъ „сила жизни“, мы отнюдь не подразумѣваемъ подъ этимъ какой-нибудь особой „жизненной силы“ прежняго времени. Мы хотимъ только, посредствомъ этого термина, соединить въ одно цѣлое всѣ тѣ силы, которыя порождаютъ различныя явленiя жизни, не касаясь при этомъ вопроса о сущности этихъ силъ. Даже болѣе того — „сила жизни“ и „жизнь“ для насъ равнозначительныя понятiя, потому что источникомъ жизни можетъ быть только сама жизнь, а не что-либо другое.

каго, отъ нашей личности, на человѣчество и міръ. Наше чувство, будучи первоначально только выраженіемъ, и то далеко неполнымъ, любви къ той жизни, носителями которой являемся мы, начинаетъ охватывать все шире и шире ту жизнь, которая разлита кругомъ насъ въ человѣческомъ обществѣ и во вселенной,—становится все болѣе и болѣе той любовью, которая обнимаетъ собою всякое трепетаніе жизни, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась, и которая во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ глубокую безграничную любовь къ человѣчеству. Наконецъ, наша воля, съ развитіемъ своей силы, перестаетъ быть только волей, которая направлена существеннымъ образомъ на увеличеніе нашей личной жизни, и становится волею, направленной все въ болѣе и болѣе широкой степени на увеличеніе жизни въ человѣчествѣ и мірѣ, на созданіе общечеловѣческой солидарности и всеобщей міровой гармоніи.

Такимъ образомъ всѣ три указанные Гюйо эквивалента нравственной обязанности сводятся къ расширенію и углубленію „идеи жизни“, „чувства жизни“ и „воли жизни“ и къ тому давленію, которое они оказываютъ на наше существо, требуя непреодолимо своего осуществленія и воплощенія. Какъ всякая механическая сила не можетъ не вызывать движенія, такъ и „сила жизни“ не можетъ не порождать жизни и не создавать нравственности...

XI.

Отъ этихъ эквивалентовъ нравственной обязанности, дѣйствующихъ при нормальныхъ условіяхъ, мы перейдемъ къ тѣмъ эквивалентамъ, которые Гюйо пускаетъ въ ходъ при обстоятельствахъ исключительныхъ, и съ помощью которыхъ онъ считаетъ возможнымъ достигнуть отъ индивидуума окончательной жертвы. Эти послѣдніе возможные эквиваленты нравственной обязанности Гюйо находитъ, какъ мы видѣли, въ любви къ риску физическому и риску нравственному. „Тамъ, гдѣ прекращается достовѣрность,—говоритъ онъ,—ни мысль, ни дѣйствіе человѣка, вслѣдствіе этого не прекращаются. На мѣсто

категорическаго закона можетъ безъ опасности стать чистая умозрительная гипотеза; точно такъ же догматическая вѣра можетъ быть замѣнена чистой надеждой, а утвержденіе—дѣйствіемъ. Умозрительная гипотеза есть рискъ мысли; дѣйствіе, согласное съ этой гипотезой, есть рискъ воли; существомъ высшимъ является то, которое наиболѣе предпринимаетъ и рискуетъ, путемъ-ли своей мысли или путемъ своихъ дѣйствій... Это превосходство проистекаетъ изъ того, что оно имѣетъ гораздо большее сокровище внутренней силы,—оно имѣетъ болѣе могущества, вслѣдствіе этого оно имѣетъ и болѣе высокую обязанность" *).

Мы нисколько не отрицаемъ то великое значеніе, которое имѣетъ и можетъ имѣть рискъ въ дѣлѣ нравственности и въ особенности, когда нужно совершить окончательную жертву,—но думаемъ, что готовность къ жертвѣ сводится къ чему-то другому, болѣе важному и не имѣющему такой преходящей величины, какъ рискъ, и что это другое и составляетъ истинный эквивалентъ нравственной обязанности въ данномъ случаѣ. Мы разумѣемъ присущую человѣку идею и страстное желаніе свободы. Человѣкъ жаждетъ свободы, онъ стремится къ тому, чтобы его активность, какія бы формы она ни принимала, встрѣчала какъ можно менѣе препятствій на своемъ пути... Если вы ему покажете предѣлы и опредѣлите границы его активности,—онъ почувствуетъ себя слишкомъ тѣсно въ этихъ границахъ и опрокинетъ ваши заставы и загородки. Его стремленіе къ свободѣ никогда и ничѣмъ не можетъ удовлетвориться: это тотъ инстинктъ, который мы могли бы причислить къ числу инстинктовъ, называемыхъ Гюйо ненасытимыми. **) Каждая достигнутая ступень является здѣсь какъ бы ограниченіемъ послѣдующей и оставляетъ все столь же неутолимой природную жажду свободы. Жажда свободы только тогда могла бы быть насыщена и удовлетворена, когда бы наша свобода не знала никакихъ границъ,

---

*) *M. Guyau*: Esquisse d'une morale, p. 249, 250.

**) l. c. p. 44, 45.

никакихъ предѣловъ, а это—идеалъ, къ которому мы можемъ только стремиться, постепенно приближаясь къ нему все болѣе, но окончательное достиженіе котораго въ высшей степени проблематично. Во всякомъ случаѣ, кто знаетъ, быть-можетъ, если и нельзя надѣяться на его окончательное достиженіе, не можемъ-ли мы надѣяться на такое безконечное приближеніе къ нему, что разница между достигнутой нами свободой и нашимъ идеаломъ свободы будетъ неощутимой, какъ можетъ быть сдѣлана въ математикѣ неощутимой разница между ирраціональнымъ количествомъ и раціональною величиною, которою мы его замѣняемъ, посредствомъ нахожденія все большаго и большаго числа десятичныхъ знаковъ.

Этотъ фактъ покоится вполнѣ на психологическихъ законахъ нашего мышленія. Въ силу этихъ законовъ мы не въ состояніи вообразить себѣ какой-нибудь предѣлъ пространству и времени безъ того, чтобы у насъ не возникло сознаніе о пространствѣ и времени, существующемъ за этими предѣлами, и „хотя это болѣе отдаленное пространство или время мы не разсматриваемъ, какъ опредѣленное, но мы тѣмъ не менѣе признаемъ его, какъ реальнее“ *). Въ силу этихъ же законовъ, когда мы думаемъ о какой-нибудь причинѣ, въ насъ возникаетъ смутное сознаніе о причинѣ, лежащей за нею **). Подобно этому мы можемъ сказать, что и сознаніе предѣловъ нашей активности необходимо вызываетъ въ насъ сознаніе объ активности болѣе широкой, лежащей за этими предѣлами; сознаніе объ ограниченной свободѣ рождаетъ въ насъ сознаніе о болѣе широкой свободѣ, находящейся за этими границами. И такъ какъ идея стремится перейти въ дѣйствіе и стать дѣйствительностью, то идея о болѣе широкой свободѣ становится желаніемъ и волей этой свободы, которыя необходимо стремятся выразиться въ томъ или другомъ рядѣ цѣлесообразныхъ дѣйствій. Отсюда становится понятнымъ то важное значеніе, какое имѣетъ въ человѣческой жизни ясное сознаніе достигнутаго

*) Г. Спенсеръ: Основныя начала, т. I, стр. 101.

**) Тамъ же, стр. 101.

человѣкомъ предѣла развитія. Это сознаніе, какъ мы видимъ, само по себѣ, независимо отъ другихъ причинъ, создаетъ силу, способную поднять человѣка на слѣдующую высшую ступень по лѣстницѣ развитія.

Попробуйте сказать человѣку мыслящему: вотъ предѣлы, которые тебѣ ставитъ наука; здѣсь кончается область достовѣрнаго, дальше ты ничего знать не можешь, остановись и не мысли о томъ, что лежитъ за этими предѣлами,—пускай твоя мысль вращается только въ области того положительно-достовѣрнаго, что лежитъ внутри этихъ предѣловъ. Человѣкъ сразу почувствуетъ ограниченіе своей свободы, и установленные вами предѣлы знанія покажутся ему тюремною оградою, оковами, посредствомъ которыхъ вы хотите стѣснить свободную дѣятельность его мысли. Онъ скоро почувствуетъ, что ему душно и тѣсно въ той темницѣ положительнаго знанія, въ которую вы хотите заточить его духъ, въ его душѣ пробудится желаніе разбить стѣны этой темницы и выйти на болѣе широкій просторъ. Широко и всесторонне развитая мысль никогда не удовлетворится тѣми предѣлами, которые ей предписываютъ, она всегда будетъ стараться расширить эти предѣлы, и если бы этого не было, если бы человѣку не была присуща жажда безпредѣльнаго, то, по всей вѣроятности, не было бы и прогресса, не было бы непрестаннаго движенія впередъ, не было бы безконечнаго развитія человѣческой жизни. Мысль всегда разрываетъ наложенныя на нее цѣпи, стремится проникнуть въ сферу проблематичнаго, вѣроятнаго, для того чтобы сдѣлать его достовѣрнымъ, чтобы присоединить его къ области положительнаго знанія и такимъ образомъ сдѣлать свою свободу болѣе полной и болѣе широкой. О томъ, что лежитъ за предѣлами точнаго знанія, мысль создаетъ различныя умозрительныя гипотезы и догадки, которыя человѣкъ старается провѣрить дѣйствіемъ. Это—тотъ рискъ въ области мысли и дѣйствія, о которомъ упоминаетъ Гюйо. Быть-можетъ, этотъ рискъ окажется неудачнымъ, и сфера положительной мысли и достовѣрнаго дѣйствія останется такой же замкнутой, какъ и

прежде, и свобода человѣка нисколько не расширится,—тѣмъ не менѣе этотъ рискъ неизбѣженъ и необходимъ по самой природѣ человѣческой души.

Такимъ образомъ рискъ въ области мысли и дѣйствія есть для насъ не что иное, какъ стремленіе человѣческой мысли и воли къ свободѣ дѣятельности. „Дѣятельность,—какъ говоритъ Фулье,—сама по себѣ продолжается до безконечности. Она умѣряется лишь необходимостью и принужденіемъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи выйти изъ этой узкой мѣрки и перешагнуть всѣ преграды, послѣдовательно воздвигаемыя на ея пути... Дѣятельность измѣняется лишь для того, чтобы продолжаться... завладѣть болѣе обширнымъ полемъ, не теряя прежнихъ пріобрѣтеній“ *). И если свобода есть такимъ образомъ не что иное, какъ активность во всѣхъ ея видахъ, разбивающая на своемъ пути всѣ преграды и освобождающая себя отъ всѣхъ препятствій и вслѣдствіе этого безпредѣльно расширяющаяся,—то мы можемъ сказать, что она есть и синонимъ наиболѣе интенсивной и экстенсивной жизни. Становится совершенно понятнымъ поэтому, что существо, которое наиболѣе рискуетъ, является также носителемъ и наибольшей активности и внутренней силы, которая создаетъ для него и бо́льшую обязанность. „Имѣемъ-ли мы увѣренность,—говоритъ тотъ же самый авторъ,—что наше самоотверженіе не будетъ напрасно? Имѣемъ-ли мы даже увѣренность, что наше безкорыстіе реально или реально-свободно? Нѣтъ... однако мы дѣйствуемъ, и это дѣйствіе при неувѣренности представляетъ, можетъ-быть, самую высшую форму безкорыстія... Наиболѣе проблематичная изъ умозрительныхъ идей,—идея свободы,—совпадаетъ съ наиболѣе практическимъ актомъ нравственности“ **).

Итакъ, тѣмъ эквивалентомъ нравственной обязанности, который облекается въ форму риска и который можетъ быть источникомъ окончательнаго самоотверженія, является идея

*) *А. Фулье*: Что такое страданіе и удовольствіе, „Русское Богатство“, 1886 г. № 11, стр. 116, 117.

**) *A. Fouillée*: La liberté et le déterminisme, p. 358.

и желаніе свободы, стремящіяся неизбѣжно и непреодолимо къ своей реализаціи. Но мы должны тутъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что, между тѣмъ какъ сфера риска все болѣе и болѣе будетъ съуживаться, реализація свободы будетъ все полнѣе. Необходимость риска все-таки указываетъ на несовершенство знанія и человѣческой природы, которая не достигла еще полной власти надъ противодѣйствующими ей силами и находится еще въ значительной мѣрѣ въ рукахъ случая. Только тогда, когда мысль обратитъ все въ достовѣрное и когда волѣ не придется подвергаться опасности риска, гдѣ удача и побѣда существуютъ наряду съ неудачей и пораженіемъ,—только тогда мы могли бы сказать, что свобода получила свою полную реализацію. Все это говоритъ только въ пользу того, что вмѣсто преходящаго удовольствія риска слѣдуетъ поставить непреходящее и вѣчное удовольствіе реализаціи идеи и желанія свободы въ качествѣ эквивалента высшей нравственной обязанности.

Тутъ же мы должны обратить вниманіе и еще на другое важное обстоятельство: реализація идеи и желанія свободы не только облекается въ форму риска и борьбы съ препятствіями, — она также принимаетъ форму солидарности и кооперації. Индивидуальная свобода не только не обозначаетъ обособленности и выдѣленія человѣка изъ общества, но, напротивъ того, предполагаетъ и требуетъ самаго широкаго общенія съ другими людьми,—самой тѣсной, гармонической, солидарной жизни. Общественная жизнь и кооперація являются средствомъ, путемъ котораго индивидуальная свобода можетъ быть реализована въ наивысшей своей степени. Такимъ образомъ не только удовольствіе риска и борьбы, но и удовольствіе солидарной жизни и кооперації съ другими людьми можетъ служить источникомъ для развитія сознанія нравственной обязанности, приводящаго человѣка къ окончательному самопожертвованію. Сознаніе, что ты сотрудничаешь со всѣмъ человѣчествомъ, а, быть-можетъ, даже и со всѣмъ міромъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто притягивающее и чарующее... Когда, какъ работникъ, приста-

ешь къ этому громадному цѣлому въ его неустанной великой работѣ, то самъ становишься гораздо больше, выростаешь въ своихъ собственныхъ глазахъ, и жизнь получаетъ неимовѣрно высокую цѣнность. И можно даже сказать, что жизнь только тогда и имѣетъ дѣйствительно широкую, безпредѣльную цѣну, когда она имѣетъ міровую или, по крайней мѣрѣ, общественную стоимость. Отнимите у нея эту стоимость, лишите человѣка сознанія, что онъ сотрудничаетъ со всѣмъ человѣчествомъ въ одной общей широкой плодотворной работѣ, и жизнь сдѣлается для него такой блѣдной и безцвѣтной, что человѣкъ можетъ совершенно утратить всякій вкусъ къ ней. Онъ сразу почувствуетъ свое собственное ничтожество, свою маленькую, ничтожную величину, которая теряется въ бездонной пропасти міра... Только участіе въ общей работѣ заставляетъ человѣка забывать о своей маленькой личности,—онъ чувствуетъ, что онъ представитель цѣлаго, что онъ—сила, громадная сила. Вотъ почему становится понятнымъ, что нѣкоторые люди за годъ, даже за какой-нибудь часъ такой жизни готовы принести въ жертву всю свою сѣрую, безцвѣтную, однообразную жизнь съ ея мелкими заботами о своей крошечной личности.

Оканчивая настоящую статью, которая имѣла своею главною цѣлью познакомить читателя съ одной изъ попытокъ построенія „морали жизни и свободнаго идеала“,—причемъ мы сосредоточили свое вниманіе главымъ образомъ на отношеніи этой морали къ идеѣ нравственной обязанности,—мы все-таки должны сказать хотя нѣсколько словъ о томъ, какъ относится Гюйо къ нравственной санкціи. Всякую *нравственную санкцію* въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е., какъ отличную отъ санкцій соціальныхъ, онъ отрицаетъ. Санкція получаетъ въ „морали жизни“ такое же значеніе, какъ и обязанность. Если жизнь создаетъ сама изъ себя обязанность дѣйствовать, въ силу нашей способности дѣйствовать, то она создаетъ также сама изъ себя и свою санкцію. „Даже отдавая себя, жизнь снова сама себя находитъ; даже прекращаясь, она сохраняетъ сознаніе своей полноты, которая

проявится въ другомъ мѣстѣ подъ другими формами, такъ какъ въ мірѣ ничего не пропадаетъ безслѣдно" *).

Такъ какъ вопросъ о нравственной санкціи заслуживаетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія и отдѣльной статьи, то мы не будемъ останавливаться на немъ здѣсь подробнѣе. Надѣемся, что и изъ очерченнаго нами отношенія „морали жизни" къ идеѣ нравственной обязанности читатель получилъ ясное понятіе о существенномъ содержаніи этой новой морали и о томъ дальнѣйшемъ развитіи, которому она должна подвергнуться **). „Мораль жизни и свободнаго идеала" это—одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ лучей въ темной ночи „настоящаго", которому, можетъ быть, суждено разсѣять эту ночь и открыть нашимъ измученнымъ взорамъ благодатную зарю лучшаго будущаго... „Мораль жизни" есть проповѣдь той дѣятельной плодотворной нравственности и той высокой любви, которой ждутъ всѣ страдающіе, всѣ истомленные суровою житейскою борьбою, въ увѣренности, что эта любовь придетъ, и робко разбѣгутся

Тучи съ небосклона—и въ ея лучахъ
Цѣпи сна, какъ нити, ржавѣя, порвутся,
И затихнутъ слезы, и замолкнетъ страхъ!...
Свѣтелъ будетъ праздникъ,—праздникъ возрожденья,
Радостно вздохнутъ усталые рабы,
И замѣнитъ гимнъ любви и примиренья
Звуки слезъ и горя, мести и борьбы! ***).

К. Н. Вентцель.

---

*) *M. Guyau*: Esquisse d'une morale, p. 250.

**) Ограниченные размѣры журнальной статьи не позволили намъ, конечно, коснуться многихъ очень интересныхъ вопросовъ, которые поднимаетъ ученіе Гюйо. По этой же причинѣ намъ пришлось отказаться и отъ изложенія тѣхъ любопытныхъ критическихъ замѣчаній по поводу этой морали, которыя мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Фулье: „La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau", которое мы рекомендуемъ вниманію читателя и въ которомъ послѣдній найдетъ полное и прекрасное изложеніе всѣхъ сочиненій Гюйо, рядомъ съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями о немъ.

***) *С. Надсонъ*. Стихотворенія. Весенняя сказка.